
W 302/773 2)

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ.

САДКО-КУПЕЦЪ

БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ.

САДКО-КУПЕЦЪ,

БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА СВЯТОЙ РУСИ.

ПО СБОРНИКАМЪ

Кирши-Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга.

Составлено В. и Л. Р—нъ.

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Валовая ул., свой д.
1901.

Дозволено цензурою. Москва, 5 января 1901 года.

САДКО-КУПЕЦЪ,

БОГАТЫЙ ГОСТЬ.

Отчего перевелись витязи на святой Руси.

Садко-купецъ, богатый гость.

БЫЛИНА 1.

Во славномъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садко-купецъ, богатый гость,
А прежде у Садка имущества не было,
Однѣ были гусельки яровчаты:
По пирамъ ходилъ, игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился:
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася,
Тутъ-то Садко перепался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
По томъ Садко соскучился:
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень

И началъ играть въ гусельки яровчаты:
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколебалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говоритъ таковы слова:
—„Ай же ты, Садко новгородскій!
„Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
„За твои утѣхи за великія,
„За твою-то игру нѣжную:
„Аль безсчетной золотой казной?
„А не то ступай во Новгородъ
„И ударишь о великъ закладъ,
„Заложи свою буйну голову
„И выряжай съ прочихъ купцовъ
„Лавки товара краснаго
„И спорь, что въ Ильмень-озерѣ
„Есть рыба — золоты перья.
„Какъ ударь о великъ закладъ
„И поди свяжи шелковый неводъ
„И пріѣзжай ловить въ Ильмень-озеро:
„Дамъ три рыбины — золоты перья.
„Тогда ты, Садко, счастливъ будешь!"
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,
Какъ приходитъ Садко во свой во Новгородъ,
Позвали Садко на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко новгородскій
Сталъ играть въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садко попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ Садко сталъ похвастывать:
—„Ай же вы, купцы новгородскіе!

„Какъ знаю чудо-чудное въ Ильмень-озерѣ:
„А есть рыба—золоты-перья въ Ильмень-озерѣ“.
Какъ тутъ-то купцы новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
—„Не знаешь ты чуда-чуднаго,
„Не можетъ быть въ Ильмень-озерѣ рыба—золоты-перья!“—
„Ай же вы, купцы новгородскіе!
„О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?..
„Ударимъ-ка о великъ закладъ:
„Я заложу свою буйну голову,
„А вы залагайте лавки товара краснаго“.
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень-озеро;
Закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты-перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли третью рубку — золоты-перья.
Тутъ купцы новгородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по-небесному:
На небѣ солнце, и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, и въ палатахъ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ палатахъ звѣзды.

БЫЛИНА 2.

Ай какъ всѣмъ изукрасилъ Садко свои палаты
бѣлокаменны,
Ай сбиралъ Садко столованье да почестенъ пиръ,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ новгородскихъ,
И тыихъ настоятелей новгородскихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иный хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отчествомъ,
Славнымъ отчествомъ, молодымъ молодечествомъ.
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:
—„Ай же всѣ настоятели новгородскіе,
„Мужики какъ вы да новгородскіе!
„А у меня какъ всѣ вы на честномъ пиру,
„А всѣ вы у меня какъ пьяны-веселы,
„Ай похвальбами всѣ вы похвалялися,
„А иной хвастае какъ былицею,
„А иной хвастае какъ небылицею,

„А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
„Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
„У меня ли золота казна не тощится,
„Цвѣтно платьице не носится,
„Дружина хоробра не измѣняется!
„А похвастать не похвастать безсчетной золотой казной:
„На свою безсчетну золоту казну
„Повыкупаю товары новгородскіе,
„Худые товары и добрые.
„Не оставлю товаровъ ни на денежку,
„Ни на малу-разну полушечку".
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новгородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казнѣ,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары новгородскіе,
Худы товары и добрые,
Не оставить товару ни на денежку
Ни на малу разну полушечку.
Ставалъ Садко на другой день раннымъ-рано,
Говорилъ къ дружинѣ ко хороброей:
—„Ай же ты дружинушка хоробрая!
„Возьмите золотой казны по надобью,
„Выкупайте товары во Новѣ-градѣ!"
И распущалъ дружину по улицамъ торговымимъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары новгородскіе,
Худы товары и добрые,
Не оставилъ товаровъ ни на денежку,

Ни на малу разну полушечку.
На другой день ставалъ Садко раннымъ-рано,
Говорилъ къ дружинѣ ко хороброей:
—„Ай же ты, дружина хоробрая,
„Возьмите золотой казны по надобью,
„Выкупайте товаръ во Новѣ-градѣ“.
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ во гостинный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу великую новгородскую.
Опять выкупалъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Не оставилъ товару ни на денежку
Ни на малу разну полушечку.
На третій день ставалъ Садко раннымъ рано,
Говорилъ дружинушкѣ хороброей:
—„Ай же ты, дружинушка хоробрая,
„Возьмите золотой казны по надобью,
„Выкупайте вы товаръ во Новѣ-градѣ“.
И распускалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостинный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено;
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
—„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
„Если выкуплю товары московскіе,
„Подоспѣютъ товары заморскіе,
„Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,

„Побогаче меня славный Новгородъ".
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскіимъ
Денежекъ тридцать тысячей.

БЫЛИНА 3.

Садко у царя морского.

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать кораблей.
Тридцать кораблей, единъ-соколъ корабль,
Самого Садки, гостя богатаго.
Корму-то въ немъ строилъ по-гусиному,
А носъ-то въ немъ строилъ по-орлиному,
Въ очи выкладывалъ по камешку,
По славному по камешку по яхонту!
Мачты-то клалъ красна дерева,
Блочики клалъ все кизильные,
Канатики клалъ все шелковые,
Паруса-то клалъ полотняные,
Якоря клалъ все булатные.
На тѣ на корабли на черленые
Свалилъ товары новгородскіе,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная;
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ,

А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые,
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость,
Ко своей дружинушкѣ хоробрыя:
—„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
„Берегите-ка щупы желѣзные,
„Щупайте во синемъ морѣ:
„Нѣтъ ли луды или каменя,
„Нѣтъ ли отмели песочныя“.
Они щупали во синемъ морѣ:
Не нашли ни луды ни камня
И не нашли отмели песочныя.
День стоятъ, и другой стоятъ, и третій стоятъ.
Закручинились корабельщики, запечалились.
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость,
Ко своей дружинѣ ко хоробрыя:
—„Ай же ты, дружинушка хоробрая!
„Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
„А морскому царю дани не плачивали:
„Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
„Требуетъ дани во сине море.
„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,
„Спускайте бочку во сине море“.
Дружина его хоробрая
Взимала бочку-сороковку чиста серебра,
Спускали бочку въ сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые,
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна-золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ корабли черленые,
А корабли все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:
—„Вѣрно не пошлины царь морской требуетъ,
„А требуетъ онъ голову человѣческу.
„Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны
„Всякъ свои имена подписывайте,
„Спускайте жеребья на сине море:
„Чей жеребій ко дну пойдетъ,
„Таковому итти во сине море“.
Садко покинулъ хмелево перо,
А всѣ жеребья по верху плывутъ,
Кабы яры гоголи по заводямъ:
Единъ жребій во морѣ тонетъ,
Въ морѣ тонетъ хмелево перо
Самого Садка, гостя богатаго.
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:
—„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Этые жеребья неправильны.
„А вы рѣжьте жеребья ветляные,
„Всякъ свои имена подписывайте,
„Спускайте жеребья во сине море:
„Чей жеребій по верху плыветъ —
„Таковому итти во сине море!“
А и Садко покинулъ жеребій булатный
Синяго булата вѣдь заморскаго,
Вѣсомъ-то жеребій въ десять пудъ.

И всѣ жеребьи въ морѣ тонутъ:
Единъ жеребій по верху плыветъ
Самого Садки, гостя богатаго.
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:
—„Ай же, братцы, дружина хоробрая!
„Видно, царь морской требуетъ
„Самого Садка богатаго во сине море;
„Несите мою чернильницу вальяжную,
„Перо лебединое, листъ бумаги гербовый".
Несли ему чернильницу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги гербовый.
Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣніе нищей братіи,
Иное имѣнье молодой женѣ,
Остатнее имѣніе дружинѣ хоробрыя.
Говорилъ Садко-купецъ, богатый гость:
—„Ай же, братцы, дружина хоробрая.
„Давайте мнѣ гусельки яровчаты,
„Поиграть-то мнѣ во остатнее:
„Больше мнѣ въ гусельки не игрывати.
„Али взять мнѣ гусельки съ собой во сине море?"
Взимаетъ онъ гусельки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
—„Свалите дощечку дубовую на воду:
„Хоть я свалюсь на доску дубовую —
„Не столь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ".
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю.
А всѣ корабли какъ соколы летятъ,

А единъ корабль по морю бѣжитъ,
Какъ бѣлъ кречетъ,
Самого Садки, гостя богатаго,
Остался Садко во синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія,
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ:
Стоитъ палата бѣлокаменная;
Заходитъ въ палату бѣлокаменну,
Ко тому царю ко Поддонному,
А царь со царицею спорують,
Говоритъ царица морская:
—„Есть на Руси желѣзо булатное,
„Дороже булатъ-желѣзо красна-золота;
„Красно-золото катается
„У маленькихъ ребятъ по зыбочкамъ".
Говоритъ царицѣ царь морской:
—„Ай же ты, царица морская!
„Дороже есть красно-золото,
„А булатъ желѣзо катается
„У маленькихъ ребятъ по зыбочкамъ".
Становился Садко-купецъ, богатый гость,
Насупротивъ ихъ съ дощечкой бѣлодубовой
Онъ царю съ царицей билъ челомъ,
Челомъ билъ и низко кланялся.
Говорилъ царь морской таково слово:
—„Ай же ты, Садко-купецъ, богатый гость!

„Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
„Мнѣ, царю, дани не плачивалъ,
„А нонѣ весь пришелъ ко мнѣ во подарочекъ.
„Ты скажи по правдѣ, не утай себя,
„Что-то у васъ на Руси дѣется,
„Булатъ ли желѣзо дороже красна-золота,
„Али красно-золото дороже булатъ-желѣза?“
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:
—„Ай же ты, царь морской со царицею!
„Я скажу вамъ правду, не утаю себя:
„У насъ красно-золото на Руси дорого,
„А булатъ-желѣзо не дешевлѣе;
„Потому оно дорого,
„Что безъ красна-золота сколько можно жить,
„А безъ булату-желѣза жить-то не можно,
„А не можно жить вѣдь никакому званію.“
Говоритъ царь таковы слова:
—„Ай же ты, Садко-купецъ, богатый гость.
„Скажутъ, мастеръ играть во гусельки яровчаты,
„Поиграй же мнѣ во гусельки яровчаты“,
Бралъ Садко гуселышки яровчаты,
Яровчаты гусельки, звончаты,
Струночку ко струночкѣ налаживалъ,
Сталъ онъ въ гуселышки поигрывать;
Тутъ царь морской распотѣшился
И началъ плясать по палатѣ бѣлокаменной;
Онъ полами бьетъ и шубой машетъ,
И шубой машетъ по бѣлымъ стѣнамъ.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другія
Да игралъ еще Садко и третія,
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.

Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стала разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ.
Какъ сталъ народъ молиться Николѣ Можайскому.
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
—„Ай же ты, Садко-купецъ, богатый гость!
„Полно те играть во гусельки яровчаты;
„Тебѣ кажется, что скачетъ по палатамъ царь,
„А скачетъ царь по крутымъ берегамъ:
„Отъ его отъ пляски тонутъ-гинутъ
„Безповинныя буйны головы!“
Обернулся, глядитъ Садко новгородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатый,
Говоритъ Садко новгородскіій:
—„У меня воля не своя во синемъ морѣ,—
„Приказано играть въ гусельки яровчаты“.
Говоритъ старикъ таковы слова:
—„А ты струночки повырывай,
„А ты шпенечки повыломай,
„Скажи: у меня струночекъ не случилося,
„А шпенечковъ не пригодилося,
„Не во что больше играть,
„Приломалися гусельки яровчаты.
„Скажетъ тебѣ царь морской:
„Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
„На душечкѣ на красныя дѣвушкѣ?
„Говори ему таковы слова:
„У меня воля не своя во синемъ морѣ.
„Опять скажетъ царь морской:

„Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
„Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу.
„Какъ станешь выбирать дѣвицу-красавицу,
„Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,
„И друго триста дѣвицъ пропусти,
„И третье триста дѣвицъ пропусти,
„Позади идетъ дѣвица-красавица,
„Красавица-дѣвица Чернавушка;
„Бери тую Чернаву за себя замужъ,
„Тогда ты будешь на святой Руси;
„Ты увидишь тамъ бѣлый свѣтъ,
„Увидишь и солнце красное.
„А на свою безсчетну золоту казну
„Построй церковь соборную Николѣ Можайскому".
Садко струночки во гуселькахъ повыдернулъ,
Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
—„Ай же ты, Садко новгородскiiй!
„Что же ты не играешь въ гусельки яровчаты?"—
—„У меня струночки во гуселькахъ повыдернулись,
„А шпенечки во яровчатыхъ повыломались:
„А струночекъ запасныхъ не случилося,
„А шпенечковъ не пригодилося".
Говоритъ царь таковы слова:
—„Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
„На душечкѣ на красныя-дѣвушкѣ?"
Говоритъ ему Садко новгородскiiй:
—„У меня воля не своя во синемъ морѣ".
Опять говоритъ ему царь морской:
—„Ну, Садко, вставай по утру ранешенько,
Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу".

Вставалъ Садко по утру ранешенько,
Поглядитъ: идетъ триста дѣвушекъ красныихъ.
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ:
Позади шла дѣвица-красавица,
Красавица-дѣвица Чернавушка.
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ.
Какъ проснулся Садко во Новѣ-городѣ
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу,
А невѣсты его и въ слыху нѣтъ.
Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминаетъ жена Садка съ дружиной во синемъ морѣ:
—„Не бывати Садку со синя моря!"
А дружина поминаетъ одного Садка:
„Остался Садко во синемъ морѣ".
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
—„Остался Садко во синемъ морѣ,
„Очутился впереди насъ во Новѣ-градѣ,
„Встрѣчаетъ дружину со Волхова!"
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя,
Говорила ему таковы слова:
—„Ай же ты, любимая семеюшка!

„Полно тебѣ ѣздить по синю морю,
„Тосковать мое ретивое сердечушко
„По твоей по буйной по головушкѣ!
„У насъ много есть имѣньица-богачества.
„И растетъ у насъ малое дѣтище!“
Началъ Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣньице—безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыхъ кораблей,
Состроилъ церковь соборную Николѣ Можайскому.
Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море,
Сталъ поживать Садко во Новѣ-градѣ.

Отчего перевелись витязи на Святой Руси.

Выѣзжали на Сафатъ рѣку,
На закатѣ краснаго солнышка,
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названыхъ:
Выѣзжалъ Годесско Блудовичъ.
Да Василій Казиміровичъ,
Да Василій Буслаевичъ,
Выѣзжалъ Иванъ—гостинной сынъ,
Выѣзжалъ Алеша Поповичъ младъ,
Выѣзжалъ Добрыня молодецъ,
Выѣзжалъ и матерой казакъ,
Матерой казакъ Илья Муромецъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ.
Старый дубъ стоитъ, кряковястый.
У того ли дуба три дороги сходятся,
Ужъ какъ первая дорога къ Нову-городу,
А вторая-то дорога къ стольному Кіеву,
А что третья-то дорога къ синю морю далекому.

Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣлъ полотнянъ шатеръ,
Отпускали коней погулять по чисту полю.
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую траву пощипываютъ,
Золотою уздечкой побрякиваютъ,
А въ шатрѣ полотняномъ витязи
Опочивъ держатъ.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня-молодецъ раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ Добрыня за Сафатъ рѣкой
Бѣлъ полотнянъ шатеръ:
Въ томъ ли шатрѣ залегъ татарченокъ,
Злой татаринъ-бусурманченокъ,
Не пропускалъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня,
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички.
Клалъ сѣдельце черкасское,
Бралъ копьеце урзамецкое,
Бралъ чингалище булатное
И садился на добра коня.
Подъ Добрыней конь осержается:

Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечетъ по мѣрной верстѣ,
Выскоки мечетъ по сѣнной копнѣ.
Подъѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
—„Выходи-ка, татарченокъ, злой татаринъ-бусурманченокъ:
„Станемъ мы съ тобой честный бой держать“.
Въ ту пору выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Слетались, сходилися два удалые витязя.
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлеталися мечи ихъ булатные;
Сходили витязи съ добрыхъ коней
И схватались въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула,—
И валился онъ на сыру-землю;
Скакалъ ему татаринъ на бѣлы груди,
Вынималъ сердце съ печенью.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланный и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только не веселъ,

Потупилъ очи во сыру землю,—
Знать, тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ-молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня;
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металъ выходы по мѣрной верстѣ,
Металъ выскоки по сѣнной копнѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася —
Забѣлѣлася ставка богатырская:
Что не синь во поляхъ засинѣлася —
Засинѣлись мечи булатные;
Что не красъ во поляхъ закраснѣлася —
Закраснѣлася кровь съ печенью.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,
У того ли шатра спитъ Добрыня-молодецъ:
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,
На бѣлыхъ грудяхъ запеклася кровь.
И кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
—„Вылѣзай-ка ты, татаринъ злой,
„На честный бой на побраночку“
Отвѣчаетъ ему татарченокъ:
—„Охъ ты, гой еси, Алеша Поповичъ младъ,
Ваши роды не уклончивы,
Не уклончивы ваши роды, не устойчивы,
Что не стать тебѣ со мной бой держать“.
Возговоритъ на то Алеша Поповичъ младъ:
—„Не хвались на пиръ идучи,
„А хвались съ пиру идучи!“
Въ ту пору выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра.

И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися,—
Сходилися, слеталися два удалые витязя;
Ломалися копья ихъ острыя,
Разлетались мечи ихъ булатные;
И сходили они со добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой.
Одолѣлъ Алеша татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ ни взялся черный воронъ,
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
—„Охъ ты, гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
„Ты послушай меня, чернаго ворона:
„Не пори ты татарину бѣлыхъ грудей,
„А слетаю я на сине море,
„Принесу тебѣ мертвой и живой воды;
„Вспрыснешь Добрыню мертвой водой—
„Срастется его тѣло бѣлое;
„Вспрыснешь Добрыню живой водой —
„Тутъ и очнется добрый молодецъ“...
Въ ту пору Алеша ворона послушался,
И леталъ воронъ на сине море,
Приносилъ мертвой и живой воды.
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой —
Сросталось тѣло его бѣлое,
Затягивалися раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой —

Пробуждался молодецъ отъ смертнаго сна.
Отпускали они татарина.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходитъ онъ на Сафатъ рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу.
Видитъ онъ черезъ Сафатъ-рѣку
Переправляется сила басурманская,
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ.
—„Ой! ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
„Удалые братья названые?“
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую
Стали силу колоть, рубить;
Не столько витязи рубятъ,
Сколько ихъ добрые кони топчутъ.
Бились три часа и три минуточки—
Изрубили силу поганую,
И стали витязи похвалятися:
—„Не намахалися наши плечи могучія,
„Не уходилися наши кони добрые,
„Не притупились мечи наши булатные!“
И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:
—„Подавай намъ силу не здѣшнюю,
„Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“

Какъ промолвилъ онъ словно неразумное,
Такъ и слетѣли двое воителей.
И вѣщали они громкимъ голосомъ:
„ А давайте съ нами, витязи, бой держать,
„Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро“.
Не узнали витязи воителей,
Разгорался Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Сталс восьмеро — и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить,
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могучія,
Уходилися кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные...
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ...

Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры.
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси.

КОНЕЦЪ.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГА.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА

И. Д. Сытина.

Въ Москвѣ: 1) у Ильинскихъ воротъ, домъ Титова.
2) на Никольской, д. гр. Орлова-Давыдова.
3) на углу Неглиннаго проѣзда и Кузнецкаго Моста, д. Шориной.

Въ С.-Петербургѣ: Большая Садовая, № 25.

Въ Кіевѣ: Подолъ, Гостиный дворъ.

Въ Варшавѣ: Краковское предмѣстье, д. № 1.

Въ Екатеринбургѣ, Покровскій проспектъ, домъ Поповичевой.

Въ Одессѣ, уголъ Преображенской и Еврейской ул., д. Летникова, № 58.

Въ Нижегородской ярмаркѣ, на Шоссе.

